

Основной мифъ въ романѣ „Бѣсы“. ¹⁾

Романъ „Бѣсы“ (какъ признаеть и С. Н. Булгаковъ)—символическая трагедія, и символизмъ этого романа—именно тотъ „реализмъ въ высшемъ смыслѣ“, по выраженію самого Достоевскаго, который мы называемъ реалистическимъ символизмомъ. Реалистическій символизмъ возводитъ воспринимающаго художественное произведеніе а *realibus ad realiora*—отъ низшей дѣйствительности къ реальности реальнѣйшей. Въ процессѣ же творчества, обратномъ процессу воспріятія, обуславливается онъ нисхожденіемъ художника отъ предварительнаго интуитивнаго постиженія высшей реальности къ ея воплощенію въ реальности низшей—а *realioribus ad realia*. ²⁾ Если это такъ, необходимо въ изслѣдованіи глубоко-содержательнаго произведенія сдѣлать дальнѣйшій шагъ и предположить присутствіе въ нѣдрахъ этого эпоса-трагедіи нѣкоего—эпического по формѣ, трагического по внутреннему антиномизму—зерна, въ коемъ изначала сосредоточена вся символическая энергія цѣлаго и весь его „высшій реализмъ“, т.-е. коренная интуиція сверхчувственныхъ реальностей, предопредѣлившая эпическую ткань дѣйствія въ чувственномъ мірѣ. Такому зерну символическаго изображенія жизни приличествуетъ наименованіе *мифа*.

Мифъ опредѣляемъ мы, какъ синтетическое сужденіе, гдѣ подлежащему-символу приданъ глагольный предикатъ. Въ древнѣйшей исторіи религіи таковъ типъ пра-мифа, обусловившаго первоначальный обрядъ; изъ обряда лишь впоследствии расцвѣтаетъ роскошная мифологема, обычно этиологическая, т.-е. пмѣющая цѣлью осмыслить уже данную культовую наличность; примѣры пра-мифа: „солнце—раждается“, „солнце—умираетъ“, „богъ—входитъ въ человека“, „душа—вылетаетъ изъ тѣла“. Если символъ обогащенъ глагольнымъ предикатомъ, онъ полу-

¹⁾ Нижеслѣдующія разсмотрѣнія вызваны докладомъ С. Н. Булгакова „Русская трагедія“ въ Московскомъ Религіозно-философскомъ Обществѣ и служатъ дополненіемъ къ моей статьѣ „Достоевскій и романъ-трагедія“ (*Русская Мысль*, 1911 г., май-июнь); въ примѣръ отдѣльнаго произведенія, подвергаемаго спеціальному анализу, полгверждаются здѣсь общія положенія статьи. В. И.

²⁾ См. „О граняцахъ искусства“, *Труды и Дни*, VII (1914 г.), стр. 81, сл.

чить жизнь и движение: символизм превращается въ мнестворчество. Истинный реалистическій символизмъ, основанный на интуиціи высшихъ реальностей, обрѣтаетъ этотъ принципъ жизни и движенія (глаголь символа, или символъ-глаголь) въ самой интуиціи, какъ постиженіе дннамическаго пачала умопостигаемой сущности, какъ созерпаніе ея актуальной формы, или, что то же, какъ созорпаніе ея міровой дѣйственности и ея мірового дѣйствія.

Кажется, что именно имѣя въ вишеопредѣленномъ смыслѣ имѣть въ виду Достоевскій, когда говоритъ о „художественной идеѣ“, обрѣтаемой „поэтическимъ порывомъ“, и о трудности ея охвата средствами поэтической изобразительности ¹⁾. Что „цѣлѣ“ есть по преимуществу прозрѣніе въ сверхъ-реальное дѣйствіе, скрытое подъ зыбью виѣшнихъ событій и единственно ихъ осмысливающее, видимъ изъ заявленій Достоевскаго о его quasi-„идеализмѣ“, онъ же—„реализмъ въ высшемъ смыслѣ“: „Совершенно другія я попятія имѣю о дѣйствительности и реализмѣ, чѣмъ наши реалисты и критики. Мой идеализмъ реальнѣ ихняго. Поразсказать толково то, что мы всѣ, русскіе, пережили въ послѣдніи 10 лѣтъ въ нашемъ духовномъ развитіи,—да развѣ не закричать реалисты, что это фантазія? А между тѣмъ это истинный, настоящій реализмъ. Это-то и есть реализмъ, только глубже, а у насъ мелко плавать... Ихнимъ реализмомъ сотой доли реальныхъ, дѣйствительно случившихся фактовъ не обхлещешь. А мы нашимъ идеализмомъ пророчили даже факты. Случалось“ ²⁾. Итакъ, внутренній смыслъ случющагося улавливаетъ тотъ, кто различаетъ подъ его движеніемъ сокровенный ходъ иныхъ, чисто-реальныхъ событій.

Дѣйствующія лица внутренней, реальной драмы—люди, но не какъ личности, эмпирически выявленные въ дѣйствіи виѣшнемъ или психологически постигнутыя въ завѣтныхъ тайникахъ душевной жизни, но какъ личности духовныя, созерцаемыя въ ихъ глубочайшихъ, умопостигаемыхъ глубинахъ, гдѣ онѣ соприкасаются съ живыми силами міровъ иныхъ. „При полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человека... Меня зовутъ психологомъ: неправда, я лишь реальность въ высшемъ смыслѣ, т. е. изображаю всѣ глубины души человѣческой“ ³⁾.

Но личность для Достоевскаго антиномична,—не только вслѣдствіе противорѣчивой сложности своего внутренняго состава, но и потому, что она одновременно и отдѣлена отъ другихъ личностей, и со всѣми ими непостижно слита; ея границы неопредѣлимы и таинственны. „Попробуйте раздѣляться, попробуйте опредѣлять, гдѣ кончается

¹⁾ Письмо къ Страхову отъ 23 апр. 1871 г. („Письма и замѣтки“. Спб., 1883 г., стр. 311).

²⁾ Письмо къ А. Майкову отъ 11 дек. 1868 г. (ibid., стр. 202).

³⁾ „Изъ записной книжки“ (ibid., стр. 373).

ваша личность и начинается другая. Опредѣлите это наукой! Наука именно за это берется. Соціализмъ именно опирается на науку. Въ христіанствѣ и вопросъ немислимъ этотъ. (NB. Картина христіанскаго разрѣшенія.) Гдѣ шансы того и другого рѣшенія? Повѣсть духъ новый, внезапный...¹⁾ Достоевскій явно чувствуетъ, что духъ христіанства не допускаетъ отрицательнаго опредѣленія личности („я“ и „не-я“, „мое“ и „не-мое“), и требуетъ, чтобы она самоопредѣлялась положительно („я“ черезъ „ты“), что мы можемъ лишь отчасти и смутно предвѣщать во внутреннемъ опытѣ любви и вселенскаго сочувствованія, т.-е. часть въ самоощущеніи личности нѣкоего трансценса („повѣсть духъ новый“). Въ связи съ этими намеками на мистическое ученіе о личности—in statu nascendi—должно разсматривать и догматъ Достоевскаго о винѣ каждаго передъ всѣми, за всѣхъ и за все.

Неудивительно, что народъ въ глазахъ Достоевскаго—личность, не мысленно синтетическая, но существенно самостоятельная, жизненно цѣлостная; есть въ ней периферія многоликость, и есть внутренняя святыня едиаго сознанія, единой воли. Въ этомъ единствѣ различимы два начала: женственное,—душевное, совершительное,—и мужественное, духовное, зачичательное. Первое вырастаетъ изъ общей Матери—живой Земли, Мировой Души; корни второго—въ іерархіяхъ силъ небесныхъ. Свободное, оно—это второе, мужественное начало—можетъ самоутвердиться въ себѣ, сказать: „я—богъ и женихъ небесный“,—или, отдавъ свое я Христу, предстать Землѣ богоноснымъ вѣстникомъ; и только богоносность народнаго я дѣлаетъ его всечеловѣческимъ. О русскомъ народѣ Достоевскій вѣровалъ, что онъ—„народъ-богоносецъ“. Очевидно, богоносный народъ не есть народъ эмпирическій, хотя эмпирическій народъ и составляетъ его земное тѣло; богоносный народъ не есть, по существу, ни этнографическое, ни политическое понятіе, но одинъ изъ свѣточей въ многосвѣчникѣ мистической Церкви, горящей передъ Престоломъ Слова. Національное и государственное начала обрѣтаютъ свой смыслъ и освященіе, лишь какъ сосуды богоноснаго духа. Покровы этого духа могутъ казаться и быть грѣховными, недужными, разлагающимися; но вѣдь Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ. Народъ-богоносецъ—живой свѣтильникъ Церкви и нѣкій ангелъ; но пока не кончилась всемірная исторія, ангелъ воленъ въ путяхъ своихъ, и если колеблется въ вѣрность, надъ нимъ тяготѣетъ апокалиптическая угроза: „сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста, извергну тебя изъ устъ Моихъ“. Поэтому о Россіи ничего достовѣрнаго нельзя знать, „въ Россію можно только вѣрить“, какъ сказалъ близкій къ Достоевскому въ этомъ кругѣ представленій Тютчевъ, и самъ Достоевскій въ Россію просто вѣрилъ,

¹⁾ „Изъ записной книжки“ (ibid., стр. 356).

отчего, въ духѣ христіанской Надежды,—она же лишь другая ипостась Вѣры,—и говорилъ будущему благодатному свершенію, которое представлялось ему какъ истинная есократія на Русь, гдѣ и преступниковъ будетъ судить своимъ Христовымъ судомъ Церковь,—„буди, буди!“

Достоевскій, приближающійся къ идеѣ богопосной соборности въ „Преступленіи и наказаніи“, къ идеѣ Вѣчной Женственности въ „Идиотъ“ (какъ уже и раньше въ повѣсти „Хозяйка“), анализомъ причинъ одержанія Россіи духами безбожія и своеволія подвигнуть былъ къ положительнымъ прозрѣніямъ въ таинственное соотношеніе выше намѣченныхъ сущностей. И когда эти прозрѣнія съ яркостью вспыхнули, дотолѣ казавшійся неудачно задуманнымъ и мертворожденнымъ романъ внезапно озарился ослѣпительнымъ свѣтомъ; въ „позитическомъ порывѣ“ поэтъ принялся перестраивать начатую постройку, ница и отчаяваясь выявить и воплотить разоблачившуюся передъ нимъ во всей своей огромности „идею“. Онъ какъ бы воочию увидѣлъ, какъ можетъ замыкаться отъ Христа мужское начало есокровениаго народнаго бытія и какъ женское его начало, Душа-Земля русская, стесняется и томится ожиданіемъ окончательныхъ рѣшеній суженаго жениха своего, героя Христова и боговоспа: пускай безумствуетъ она въ плѣненіи и покинута, но измѣнщика и самозванца подъ лучиною желаннаго и долгожданнаго всегда узнаеть. и обличить его, и проклянуть.

Достоевскій хотѣлъ показать въ „Бѣсахъ“, какъ Вѣчная Женственность въ аспектѣ русской Души страдаетъ отъ засылія и насильничества „бѣсовъ“, искони борющихся въ народѣ съ Христомъ за обладаніе мужественнымъ началомъ народнаго сознанія. ¹⁾ Онъ хотѣлъ показать, какъ обижаютъ бѣсы, въ лицѣ Души русской, самое Богородицу (отсюда символическій эпизодъ поруганія почитаемой иконы), хотя до самыхъ невидимыхъ покрововъ Ея достигнуть не могутъ (символь нетронутой серебряной ризы на иконѣ Богоматери въ домѣ убитой Хромоножки). Задумавъ основать романъ на символнкѣ соотношеній между Душою Земли, человѣческимъ я, дерзающимъ и зачннательнымъ, и силами Злѣ, Достоевскій естественно долженъ былъ оглянуться на уже данное во всемірной поэзіи изображеніе того же по символпческому составу мнѣа— въ „Фаустѣ“ Гёте. Хромоножка заняла мѣсто Гретхень, которая, по разоблаченіямъ второй части трагедіи, тождественна и съ Еленой, и съ Матерью-Землей; Николай Стаерогинъ—отрицательный русскій Фаустъ,—отрицательный потому, что въ немъ угасла любовь и съ нею угасло то неустанное стремленіе, которое спасаетъ Фауста; роль Мефистофеля играетъ Петръ Верховенскій, во всѣ важныя мгновенія возникающій за

¹⁾ „Откуда взялись вигилисты? Да они имъ откуда и не взялись, а все были съ нами, въ насъ и при насъ („Бѣсы“)“... „Изъ записной книжки“ (стр. 370).

Ставрогинимъ съ ужинками своего прототипа. Отношеніе между Гретхенъ и Mater Gloriosa — то же, что отношеніе между Хромоножкой и Богоматерью. Ужасъ Хромоножки при появленіи Ставрогина въ ея комнату предначертанъ въ сценѣ безумія Маргариты въ тюрьмѣ. Ея грѣзы о ребенкѣ почти тѣ же, что бредовыя воспоминанія гётевской Гретхенъ...

Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ,
Я останусь въ этой келійкѣ;
Тамъ я буду жить, опасатися,
За тебя Богу молитися.

Эта пѣсня Хромоножки—пѣсня русской Души, таинственный символъ ея сокровеннаго келійничества. Она молится о возлюбленномъ, чтобы онъ пребылъ вѣрнѣе—не столько ей самой, сколько своему богоносному назначенію, и терпѣливо ждетъ его, тоскуя и спасаясь—ради его спасенія. У Гёте Гретхенъ пѣсней о старомъ королѣ, жившемъ на крайнемъ Западѣ, въ ultima Thule, и о его кубѣ также обращаетъ къ отсутствующему возлюбленному чаровательное напоминаніе о вѣрности.

Та, кто поетъ пѣсню о келійничествѣ любви,—не просто медиумъ Матери-Земли (эллинистическія сикематическія экстазовъ и изступленій связали бы: „отъ Земля одержимая“, *καίτοις ἐκ τῆς Γῆς*), но и символъ ея: она представляетъ въ мифѣ Душу Земли русской. И не даромъ она—безъ достаточныхъ прагматическихъ основаній—законная жена протагониста трагедіи, Николая Ставрогина. И не даромъ также она вмѣстѣ и не жена ему, но остается дѣвственною: „князь міра сего“ господствуетъ надъ Душою Міра, но не можетъ реально овладѣть ею,—какъ не мужъ Самаритянки четвертаго Евангелія тотъ, кого она имѣетъ шестымъ мужемъ. Ставрогина же Хромоножка, оправившись отъ перваго ужаса, упрямо величаетъ „княземъ“, противопоставляя ему въ то же время подлиннаго „его“. „Виновата я, должно быть, передъ нимъ въ чемъ-нибудь очень большомъ,—вотъ не знаю только, въ чемъ виновата, вся въ этомъ бѣда моя вѣкъ... Молюсь я, бывало, молюсь, и все думаю про вину мою великую передъ нимъ“. Этотъ другой, свѣтлый князь—герой богоносецъ, въ лицѣ котораго ждетъ юродивая духовидица самого Князя Славы. И уже хромота знаменуетъ ея тайную богоборческую вину—вину какой-то изначальной нецѣльности, какого-то исконнаго противленія Жениху, ее покинувшему, какъ Эросъ покидаетъ Психею, грѣшную и бѣжимъ первороднымъ грѣхомъ естества передъ божественною Любовью.

„Какъ, развѣ вы не князь?“—бредитъ ясновидящая.—„Всего отъ враговъ его ожидала, но такой дерзости никогда! Живъ ли онъ?—убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!... Говори, самозванецъ, много ли взялъ? За большія ли деньги согласился?... Гришка Отрепьевъ, авансера!“ „Сова слѣпая“, „сычъ“ и „плохой актеръ“, Гришка Отрепьевъ, „проклятый на семи соборахъ“, христопродавецъ и самъ дьяволъ, подмигивавшій со-

бою (загубивший, быть может, во всякомъ случаѣ какъ-то предавшій) „сокола яснаго“, который „гдѣ-то тамъ, за горами, живетъ и летаетъ, на солище взираетъ“,—вотъ „дурной сонъ“, приснившійся Хромоножкѣ передъ приходомъ Ставрогина и вторично переживаемый ею уже наяву.

Но кто же Николай Ставрогинъ? Поэтъ опредѣленно указываетъ на его высокое призваніе; недаромъ онъ носитель крестнаго имени (σταυρός—крестъ). Ему таинственно предложено было нѣкое царственное помаваніе. Онъ—Иванъ - царевичъ; всѣ, къ нему приближающіеся, испытываютъ его необычайное, нечеловѣческое обаяніе. На него была излита благодать мистическаго постиженія послѣднихъ тайнъ о Душѣ народной и ея ожиданіяхъ богоносца. Онъ посвящаетъ Шахова и Кириллова въ начальныя мистеріи русскаго мессіанизма. Но самъ, въ какое-то рѣшительное мгновеніе своего скрытаго отъ насъ и ужаснаго прошлаго, измѣняетъ даруемой ему свѣтынь. Онъ дружится съ сатанистами, бесѣдуетъ съ Сатаной, явно ему предается. Отдаетъ ему свое я, обѣщанное Христу, и оказывается опустошеннымъ до предваренія еще при жизни „смерти второй“, до конечнаго уничтоженія личности въ живомъ тѣлѣ. Онъ нуженъ злымъ силамъ своею личиною,—нуженъ, какъ сосудъ ихъ воли и проявитель ихъ дѣйствія; своей же воли уже вовсе не имѣеть. Измѣнникъ передъ Христомъ, онъ невѣренъ и Сатанѣ. Ему долженъ онъ предоставить себя, какъ маску, чтобы соблазнить міръ самозванствомъ, чтобы сыграть роль лже-Царевича,—и не находить на то въ себѣ волн. Онъ измѣняетъ революціи, измѣняетъ и Россіи (символы: переходъ въ чужеземное подданство и, въ особенности, отреченіе отъ своей жены, Хромоножки). Всѣмъ и всему измѣняетъ онъ, и вѣшается, какъ Иуда, не добравшись до своей демонической берлоги въ угрюмомъ горномъ ущельѣ. Но измѣна Сатанѣ не лишаетъ его медіумичности во злѣ и страдательной роли носителя сатанинской силы, которая овладѣваетъ вокругъ него и черезъ него стадомъ одержимыхъ. Она—стадо, потому что у всѣхъ ихъ какъ бы выдѣно я: исторгнуто у нихъ живое я и замѣнено чуждою волей. Лишь двое людей, отмѣченныхъ Ставрогинымъ, своего я не отдали и отъ стада отдѣлились: это Кирилловъ и Шатовъ. Какъ же распорядились они своимъ я?

Кирилловъ утверждаетъ свое я для себя, въ замкнутости личнаго отъединенія, но Христу имъ не жертвуетъ, хотя Христа какъ-то знаетъ и любитъ. Онъ самъ хочетъ стать богомъ: вѣдь былъ же Богомъ Христосъ!... Кирилловъ все чай пьетъ по ночамъ; чаепитіе—симптомъ русскаго медитативнаго идеализма... Христосъ смерти не убоялся,—не убоятся и Кирилловъ. Для этого надлежитъ ему взойти на одинокую Голгову своевольнаго дерзновенія—убить самого себя, ради себя же... И обезумѣвъ отъ разрыва всѣхъ вселенскихъ связей, онъ совершаетъ, въ пустынной гордынѣ духа, свою антихристову, свою анти-голговскую жертву,

богочеловѣкъ названку—„человѣко-богъ“, захотѣвшій сохранить свою личность и ее погубившій, воздвигнуть сыновство на отрицаніи отчества, на небытіи (—*seine Sach auf Nichts*).

Шатовъ также не отдалъ своего я бѣсамъ, за что и былъ ими ратерзанъ. Свое я пожелалъ онъ слить съ я народнымъ, но зато и утвердить народное я, какъ Христа. Онъ отшатнулся отъ бѣсовъ, но зашатался въ вѣрѣ народной. Признакъ неправяго отношенія Шатова ко Христу—въ томъ, что черезъ Него онъ не познаетъ Отца. Онъ надумалъ, злоупотребивъ свѣтлыми откровеніями, почерпнутыми изъ отравленнаго колодца Ставрогинской души,—что русскій Христосъ—самъ народъ, долженствующій олицетворить въ своемъ грядущемъ мессіи духовное и мужское свое начало, чтобы провозгласить устами этого мессіи и опять-таки самозванца: „я есмь женихъ“. Мистикъ Шатовъ, поистинѣ, не божество дѣлаетъ атрибутомъ народа, но народъ возводитъ до Божества, какъ говоритъ самъ. Пощечина его Ставрогину—черта необходимая: еретикъ казнить предательство своего ересіарха за то, что Ставрогинъ „христомъ“ русскимъ стать не захотѣлъ, и вѣру Шатова обманулъ, и живанъ его разбилъ. Тѣмъ же менѣе, заслуга этого шатуна въ томъ, что отъ одержимаго стада онъ все же отшатнулся и въ Душу Земли все же повѣрилъ: оттого и дружна съ нимъ юродивая Марія Тимоеевна. „Шатушка“ озаренъ,—черезъ любовь къ истинному Христу, пусть неправую и темную, но бессознательно коренящуюся въ его народной стихіи,—скользнувшимъ по нему отблескомъ нѣкоей благости; онъ выступаетъ великодушнымъ, всепрощающимъ защитникомъ и опекуномъ женской Души въ ея грѣхъ и униженія (Маріе)—и умираетъ мученической смертью.

Теургическая загадка, загаданная пророчественнымъ твореніемъ Достоевскаго: какъ возможенъ Иванъ-Царевичъ, грядущій во имя Господне? Какъ возможенъ приходъ суженаго Земли русской жениха-богоносца? И не антиномично ли само чаяніе богоносца? Вѣдь Христомъ помыслить его религіозно нельзя; но что же богоносецъ, если не тотъ, кто отдалъ свое я Христу и Христа вмѣстидъ? Какъ религіозно преодолевается эта витипомія, составляющая корень русской трагедіи? Какъ земля русская можетъ стать Русью святой? Народъ—церковью? Какъ невозможное для людей возможнымъ становится для Бога?... Достоевскій начинаетъ мечтать о таинственномъ посланникѣ старца Зосимы.

Вячеславъ Ивановъ.